

[П/П: В древнегреческой мифологии река Забвения (или река Лёта) одна из рек в подземном царстве Аида.]

Бурлящие воды голубой реки простирались до самого горизонта.

Если говорить точнее, противоположный от Райдена берег находился в нескольких сотнях метров. Достаточно далеко, чтобы у него отпало желание переплыть реку. Хотя бы потому, что уже давно наступила осень: температура падала в соответствии с временем года, поэтому он однозначно не хотел окунаться в воду.

Хотя Райден, хмыкнув, подумал, что будь с ними другие члены отряда Остриё копья — например, Харуто, Дайя или Куджо, — те бы наверняка бросились в реку сломя голову.

Прошло уже полмесяца, как их отправили на специальную разведывательную миссию, смертоносный марш для слишком живучих «восемьдесят шесть».

К этому моменту он понятия не имел, как далеко они ушли от последней базы первого района военных действий, главным образом потому что они вырубili позиционную привязку инерционной навигационной системы. Они наконец-то на пути к свободе. Будет весьма досадно заканчивать путешествие, понимая, что забрались пока только сюда.

— На Джаггернауте... вброд не перейти, да? — спросил Райден.

— Нет, конечно, — коротко ответил стоящий рядом Шин.

Джаггернауты не способны пересечь воду. Разработка велась впопыхах, от машин требовалось продержаться несколько лет, пока война не закончится сама собой. Это было расходное самоубийственное оружие. К дизайну и производству отнеслись настолько спустя рукава, что даже с закрытым фонарем в машине оставалось много пробелов.

Кабины должны быть герметичными, чтобы защитить пилота от ядерного, биологического или химического оружия, но у Джаггернаута она имела щели. Надо ли говорить, что непроницаемость других частей была не больше, чем у кабины.

Поэтому, если они хотели пересечь реку, им нужно найти или сделать мост. Но с незапамятных времен мосты считались ключевыми военными позициями. А значит Легион скорее всего определил любое подобие мостов на территории как важные маршруты.

Когда они три дня назад пришли к берегу реки, то заметили силы Легиона, пересекающие мост и направляющиеся на восток. Конечно, пересекать реку было опасно, поскольку она делила войска между двух берегов. Это также означало, что поблизости стоят разведывательные машины в состоянии повышенной готовности. Остриё копья не смог подойти ближе к мосту, поэтому пришлось затаиться.

Что еще хуже, в день, когда они подошли к реке, грянул шторм: ливень шел три дня подряд. К счастью, им попало укрытие от дождя, которое позволило разжечь костер и спастись от холода.

Это был подарок судьбы. Они и так выдохлись от специальной разведывательной миссии, а без огня кто-то определенно бы заболел.

Они спрятались в заброшенном старом ДОТе на возвышенности, чтобы не попасть под повышение уровня воды и наблюдать за пересекающими мост силами Легиона. Днем было темно из-за тяжелых черных облаков, загораживающих солнце, а проливной дождь ухудшил видимость. Они наблюдали за шествием металлической орды по мосту: сперва те выстроились на всем берегу, затем пересекли реку и направились на восток.

Зрелище выходило сюрреалистичным. Будто плохой сон, кошмар, от которого не просыпаешься. Армия Легиона была кратно больше того, что они видели до сих пор, где-то несколько дивизий. Легион мог без особых усилий наштамповать такую численность и бросить в бой.

Все — и даже Шин, которого редко можно сбить с толку — только и могли в тишине смотреть за шествием машин. Слово прямо перед ними предстало будущее.

Человечество проиграет эту войну.

Шторм закончился прошлой ночью, и к тому времени Легион переправил последнюю машину. Столь продолжительный промежуток времени был закономерен. Самый легковесный тип, Муравей, весил десять тонн, а Динозавр все сто. Мост пересекли десятки тысяч таких машин.

С рассветом дождь перестал лить, будто его не было вовсе, а Легиона и след простыл. Они, правда, задержались на берегу, поскольку Шин сказал, что лучше подождать еще немного. Они решили остаться на месте еще день и разведать обстановку.

Райдено это не нравилось. Для него провести первый солнечный день взаперти в кабине Джаггернаута — все равно что потратить его впустую. Тем более после целых трех дней, когда они сидели сложа руки из-за дождя. Но он ничего не говорил. Ему не нравилось, но спешить им все равно было некуда.

Анжу все утро прожужжала, какой сегодня замечательный день для стирки, и вот она повесила импровизированную веревку для сушки одежды — один конец завязала на манипуляторе Файда, другой на стволе своего Джаггернаута. На веревку она повесила изношенную камуфляжную форму и тонкие одеяла. Сцена была до смешного безмятежной. Трудно поверить, что сейчас они находились на территории Легиона — худшем из возможных мест для людей.

Райден снова оглядел пейзаж. Безоблачное голубое небо все еще было немного темным и

достаточно ясным, чтобы увидеть мириады звезд. Глубокая синева тянулась далеко, куда ни глянь. Река отражала небеса, сверкая на осеннем солнечном свете точно хрусталь. Зрелище было за гранью реальности. Вокруг ни врагов, ни людей. Просто мир и безмятежность. Райден чувствовал себя странно. Будто смотрел на последний день умирающего мира.

— Знаешь, если так посмотреть ... мы будто остались одни в этом мире, — сказал Райден.

Шин глянул на него. Райден продолжил говорить, не встречаясь с ним взглядом. Согласно мифологии на континенте, голубой цвет ассоциировался с небесами, и все культуры, казалось, связывали реки с проходом в загробную жизнь. Только вот он не мог припомнить, старуха об этом рассказывала или Шин.

— Или, может, мы уже мертвы и теперь стоим у входа в небеса...

Шин все еще смотрел на него сбоку, словно искренне изумленный.

— Что?.. — с подозрением спросил Райден.

— Как ты там говорил? Если звездопад — последнее, что я увижу перед смертью, то все не так уж плохо? — почти ехидно улыбнулся Шин.

Райден застонал. Этому случаю два года. Они выжили в битве и провели ночь, созерцая крайне редкий метеоритный дождь. Тогда-то Райден и ляпнул ту фразу.

— На удивление вышло поэтично, — дразня добавил Шин.

— Заткнись... — буркнул Райден через стиснутые зубы.

Шин рассмеялся. Райден недоверчиво посмотрел на беззаботно хохочущего командира. Прошла половина месяца с тех пор, как он упокоил призрака своего брата на последнем поле боя восемьдесят шестого сектора. С тех пор Шин стал чаще улыбаться и смеяться.

Взгляд его также будто смягчился. Он стал чаще шутить. Чаще болтать с ними. Словно нечто, постоянно давящее на сердце, ушло. Словно он освободился от вынесенного наказания.

Быть может, он чувствовал себя освобожденным после упокоения брата, которого искал долгие пять лет на поле боя. Или, возможно, он радовался первому настоящему вкусу свободы. И, что важнее, найденный небольшой кусочек спасения оказал на него огромное влияние.

Бог Смерти, кто взял с собой всех погибших товарищей и возьмет даже их самих в конце этого путешествия. Он понесет их до конечного пункта назначения, помня о каждом.

Но когда придет его конец, ему будет некому дать собственное сердце. Или так оно должно было быть, но в конце пути он нашел того, кому может верить свои чувства. Того, кого он мог попросить не забывать о нем, выжить и дойти до места, где он встретит свой конец.

«Увидимся, Майор».

Для Шина возможность оставить эти слова была поистине величайшим спасением из всех.

Вскоре, когда смех сошел на нет, Шин пожал плечами.

— Сомневаюсь, что мы уже мертвы. Будь оно так, мы бы просто исчезли. Растворились в глубинах тьмы... Перестали думать, хотеть чего-либо.

Шин слышал голоса скитающихся призраков, а также мог уловить момент, когда они полностью исчезали. Это ощущение не относилось ни к одному из пяти чувств, и Райден был его лишен. Поэтому, когда Шин описывал свою способность, он не до конца его понимал.

«Глубины тьмы?..»

Впрочем...

— Как те, кто погиб до нас... Так, получается?

— Ага.

Погибших товарищей, которых Шин нес с собой, включая брата, теперь насчитывалось пятьсот семьдесят шесть. Те, кто знал только поле боя восемьдесят шестого сектора, вероятно, никогда не видели пейзажа вроде этого.

Между делом, поскольку их белье сейчас сушилось, а сменного, естественно, не было, они нацепили на себя покрывала, найденные в заброшенных жилых домах. Разумеется, на вид они были все потрепанные. Ребята не горели желанием слоняться в этой временной одежде, поэтому они расселись на берегу реки и стали ловить рыбу импровизированными удочками, которые сделали из ниток, веток и фрагментов металла.

Одежда на остальных была в похожем состоянии. Анжу напевала странную песенку, делая вид, будто красит ногти цветными лепестками. Пейзаж щекотал порыв Сео к творчеству, но он просто раздраженно крутил пальцами, поскольку не на чем (и нечем) было рисовать. Крена резвилась на цветочном поле неподалеку, где в воздух то и дело улетал пух.

Шин наблюдал за пушистыми хлопковыми шариками — те взлетали в голубое небо, точно снегопад наоборот. И тогда он сказал:

— Кажется, на востоке есть легенда о зайце-беляке, который также крутится в поле.

— О-о. — Райдена не особо заинтересовала легенда, но... — Что ты такого увидел, отчего вспомнил про беляка?

— ...

На другой стороне поля бегала Крена, чье обнаженное тело прикрывало яркое стеганое одеяло. Райден мог явно заметить прорехи в развевающемся покрывале.

□

Хотя на дворе и была осень, солнце на чистом небе без облаков палило, а ветер после прошедшего ночью шторма налетел довольно сильный. Повешенная немногим ранее одежда, скорее всего, высохнет к полудню. Они сидели за костром и пили чай из сосновой хвои; в воздухе витал душистый аромат слегка пережаренной рыбы, которую съели в обед. Когда они прятались, им пришлось мириться с отвратительной синтетикой, поэтому рыба служила хорошим аппетитным разнообразием.

К ним забежала любопытная лиса, несомненно, одна из тех, что прежде не видели людей. Они бросили ей маленькую рыбку — слишком мелкую, чтобы есть самим, — а лиса сперва понюхала ее, затем положила в рот и умчалась подальше. Анжу, смотря ей вслед, сказала:

— Одежду мы постирали. Вот бы у нас была бочка или что-то вроде того, чтобы туда залить воду...

Крена уставилась на нее в чистом замешательстве, а три парня, включая Райдена, умолкли. Они поняли, что она хотела, и точно поняли, почему. Но...

— Так ты, получается, хочешь подогреть воду, — выдавил из себя Райден.

— Да! Мы так близко к реке, а я устала просто окунаться. Надеюсь, мы сможем принять ванну!
— воскликнула Анжу, хлопнув в ладоши.

— Ванну?! — повторила за ней Крена со сверкающими глазами.

— Мы помылись, но этого недостаточно, — продолжила Анжу. — И до вчерашнего дня было холодно из-за дождя, я бы хотела хоть сегодня согреться.

— Ванна! — снова сказала Крена. — И горячий душ, и полотенце, и мыло!

— Тут это добро будет тяжело найти, но как же я скучаю по ним. Хочется хотя бы освежиться.

Слушая взволнованный разговор двух девушек, трое парней обменялись взглядами.

«Как бы... Хм-м, мы поняли, но... Этому не бывать...»

— Нет, любая найденная бочка будет ржавой... В смысле, они же простояли здесь годы...

— И наверняка Легион забрал все, что годится для топлива.

— И еще к горючему материалу, наверное, уже небезопасно прикасаться. На новую и чистенькую бочку можно даже не рассчитывать.

На эти неловкие, но твердые напоминания о реальности, в которой они оказались, Анжу опустила плечи.

— Угу... Думаю, бойлера для горячей воды тут тоже не найдешь...

На фронтных базах имелись душевые, чтобы скот, «восемьдесят шесть», мог поддерживать базовую гигиену. Подогрев воды занимал уйму времени, а сама душевая и фурнитура были в таком ужасном состоянии, что годились как раз для скота.

Но даже базовые удобства не создаются сами по себе. Они основаны на множестве типов инфраструктуры, предоставляемой государством. И теперь, когда группа была отрезана от этой среды, они не могли насладиться даже привилегией пусть плохого, но душа.

Это было мрачным напоминанием о том, насколько малозначимыми и бессильными могут быть люди...

Увидев, как Анжу и Крена разочарованно понурили головы, Файд, наконец-то освободившийся от обязанности держать веревку, моргнул оптическим сенсором.

— Пи.

— Если ты о контейнере, который мы освободили от боеприпасов дней десять назад, — начал Шин, — то он плохо сварен. Хотя сверху можно прикрыть одеждой. Гораздо важнее, как нам подогреть столько воды? У нас нет топлива для розжига нужного костра.

— Пи... — удрученно пикнул Файд.

— Я все-таки спрошу еще раз, как ты его понимаешь-то, да в таких подробностях? — вздрогнул

Сео.

Райден был вынужден согласиться.

— Пи!

— Город неподалеку? — задумчиво спросил Шин. — Ну... Я не стану останавливать тебя, если хочешь посмотреть, что там и как.

— Серьезно... как ты понимаешь его?..

— Ты уверен, Шин-кун? — спросила Анжу, склонив голову набок.

Как бы сильно ей ни хотелось принять ванну, она понимала, насколько тяжело ее будет приготовить. Нужно приложить уйму усилий, и она предположила, что Шин, будучи капитаном, не разрешит. Но тот в ответ просто равнодушно пожал плечами.

— Я понимаю желание принять горячий душ, и не то чтобы нам есть куда спешить. Кроме того... — Он мягко улыбнулся, а взгляд сверкнул спокойствием, которое он время от времени показывал в путешествии. — Мы скоро должны зайти на территории бывшей Империи. Заодно посмотрим, какими были их города.

□

Они подобрались к городу, который заметил Файд с нагорья: с дороги к руинам виднелся флаг Империи — двуглавый орел — развевающийся на ветру. Рядом стоял выцветший знак с уже нечитаемым названием города.

Здания строились из черного и серого камня и почерневшего чугуна. Угнетающие цвета. Единообразные, неприродные строения выстроились в ряд, но дороги, напротив, состояли из согласованных поворотов и изгибов, из-за чего город походил на лабиринт.

Полная противоположность городам Республики с радиальным расположением улиц от самого центра до внешней окружности и прямой центральной улицей в сердце города. Там здания строили для отражения эстетики архитектора. Имперские же города планировались с самого зарождения как военные крепости, поэтому проектировали их так, чтобы затормозить вражеские армии и спутать чувство направления.

Становилось понятно, что они действительно пересекли границу между Республикой и Империей и зашли в некогда вражескую страну.

Они спрятали Джаггернауты на складе на окраине города, просто на всякий случай. Райден и

остальные наблюдали за Файдом, который в игривом (наверное) настроении умчался на поиски пригодной для использования бочки, и потом сами пошли обследовать имперский город с надеждой обозреть место жительства иностранцев.

Вопреки ожиданиям, как только они зашагали по центральной улице, то сразу обнаружили магазины: некогда сверкающие витрины шли друг за другом. Прямо как в республиканском городе. Помимо невиданных магазинов была также сеть быстрого питания со знакомым названием. Они видели подобные места в городских руинах восемьдесят шестого сектора, но в них никогда ничего не происходило.

Пока они смотрели, как Крена переходила от одной стороны улицы к другой и заглядывала в помутневшие, разбитые витрины, Райдена вдруг одолело странное чувство.

Силуэты в защитном камуфляже не под стать времени года или местности шатаются по руинам заброшенного города. Он несметное число раз видел подобную сцену в восемьдесят шестом секторе, когда они выбирались за припасами. Но на мгновение Крена, которая прогуливалась между плитами незнакомого города незнакомой страны... показалась ему обычной девочкой, шагающей по мирному городу.

Не будь этой войны с Легионом, не стала бы Республика угнетать их как «восемьдесят шесть», она... все они были бы нормальными детьми, проживающими жизнь без приключений. Если бы все обернулось не так, они могли бы даже никогда не встретиться.

Крена родилась в одном из городов-спутников северной столицы Шарите. Сео родился с другой стороны Республики, неподалеку от бывших южных границ. Анжу — в небольшом городке к востоку. Райден родом из двадцать третьего сектора.

Ни у кого из них не было возможности познакомиться. Остальные члены отряда Остриё копья также прибыли с разных уголков Республики.

Хотя Шин родился в столице Республики, Либерте-эт-Эгалите. Столица, вместе с нынешними с первого по пятый административными секторами, до войны представляла собой элитный, процветающий жилой район. Рожденные там дети почти не выбирались за его пределы, кроме как в отпуск или на школьную поездку, и заселялись туда тоже редко.

Если бы не война... Если бы белые свиньи не сослали их всех на поле боя... скорее всего, их пути даже не пересеклись бы. И вот отчего прогулка по тем же местам и совместное лицезрение ощущались так странно.

Тогда-то он заметил застывшего Шина. Он стоял на площади, необычно украшенной на фоне угнетающего, обезличенного города. Там выстроились в ряд статуи. Сперва Райдену подумалось, что Шин смотрит на статую молодой женщины — возможно, императрицы, — в излишне пестрой форме и с чрезмерно длинной мантией. Но при более близком рассмотрении оказалось, что взгляд Шина был направлен не на статую, а на осеннее небо позади. На восток.

— Что-то не так? — спросил Райден.

Шин посмотрел на него кроваво-красными глазами и моргнул. Он даже не заметил подошедшего Райдена.

— Нет... — Затем он умолк, на миг задумавшись... или, быть может, прислушиваясь к далекому голосу. В итоге он качнул головой. — Нет, ничего... Наверное, пронесет.

— ?..

Значит повод для беспокойства был. Легион поблизости? Если подумать, за время путешествия Райден несколько раз подмечал, как Шин оглядывался и смотрел в никуда.

— Мы остаемся незамеченными. Не думаю, что у нас много шансов столкнуться, — продолжил Шин. — Ничего не должно случиться, если только мы сами не приблизимся.

— О, так значит все-таки Легион.

Об этом легко забыть, особенно в один из таких дней, но они находились на вражеской территории. В месте, где люди не могли жить. Они передвигались всего на пяти Джаггернаутах. Если сделают хоть один неверный шаг, их в мгновение ока истребят.

Райден снова посмотрел на Шина. Специальная разведывательная миссия успела подкосить всех. И Шина особенно.

— Ты устал, пацан? Если хочешь передохнуть, то тот ДОТ подойдет, его будет трудно заметить. Можем вернуться, и ты неспеша отдохнешь.

Они зашли на земли, кишасшие Легионом, и никто не мог взять на себя обязанности Шина по разведке. По полю боя здесь бродило еще больше призраков по сравнению с восемьдесят шестым сектором, и у него не было возможности заглушить голоса. Не будет странным, если он вымотан намного сильнее остальных. Быть может, поэтому он высказался насчет выжидательной позиции.

Секунду Шин озадаченно смотрел на Райдена, но, когда понял, что тот имел в виду, усмехнулся.

— Ты чего? — спросил Райден.

— Прости, — опять улыбнулся Шин. — Но я же говорил. Я привык слышать голоса Легиона. На их территории мало что поменялось.

— Ты так говоришь, но...

Райден знал его почти четыре года и также знал о негативной реакции — или что-то вроде того — на способность слышать машины: временами он просто вырубался. Это знание лучше слов самого Шина о том, что он якобы чувствует себя нормально. Способность в любом случае давит на него.

— Без пополнения припасов никто не знает, сколько дней мы можем продвигаться. Вместо бессмысленного возвращения стоит сосредоточиться на том, чтобы пройти дальше.

Сколько дней они смогут продвигаться. Другими словами, сколько дней они смогут выживать. Фронтальная база в первом районе военных действий предоставляла припасы на один месяц, и они потихоньку расходовались.

Райден тяжело вздохнул. Ну... если он так говорит, пусть будет так.

— Принято... Хотя вон до куда дошли, до самой Империи.

— Я не думал, что мы заберемся так далеко. Честно говоря, не ожидал, что выживем.

— Место навевает воспоминания? — спросил Райден, глянув на Шина.

Родители Шина эмигрировали в другую страну из Империи Гиаде, так что сам он числился гражданином Республики во втором поколении потомков Гиаде. Его семья прожила в Республике не так долго. Райден подумал, что Шину могла быть знакома культура Империи из-за влияния родителей. Если бабушка или дедушка, или другие родственники остались в Империи, быть может, он все-таки наведывался туда.

Шин, однако, просто качнул головой.

— Нет, я никогда не был в Империи. Хотя родителей уже не могу толком вспомнить... Просто чужая страна, как-то так.

Затем он выдохнул и перевел взгляд на Райдена.

— А что насчет тебя? Кажется, твоя семья эмигрировала из Империи?

— Не, это был прапрадед... или прапрапрадед...

Семья Райдена перебралась в Республику более двухсот лет назад. Ему казалось, что называть себя их предком было слишком. «Вся деревня тогда ушла из Империи в Республику», — думал

Райден, пока смотрел, как толстое лазурное небесное покрывало сливалось с горизонтом. Шин посмотрел в том же направлении, скорее всего разделив с ним те же чувства.

Они пришли на так называемую родину, место, откуда происходили их родословные. Сложись все иначе, это могли быть родные земли. Но хотя они наконец-то ступили сюда...

— Все-таки это место... не наше.

— Похоже на то...

Откуда-то издалека они услышали пронзительный зов фазана.

□

Файд превзошел себя.

— Солнечный водонагреватель... Ясно. Признаюсь, даже мысль в голову не пришла.

— И насос с солнечными генераторами энергии все еще работает...

— Наверное, этого хватит, чтобы без проблем подогреть воду в контейнере. Только... Файд не слишком ли умен?

Они набрали воду из реки во вместительные резервуары, где с помощью солнечных панелей пошел прогрев.

Анжу и Крена восторженно дали друг другу пять, а Файд выглядел так, будто бахвалился.

□

Умостившись на насесте между кустиками, небольшая лиса обглаживала кости рыбы, которую странные существа бросили ранее. Но тут вдруг издалека, где-то за послесвечением заката, раздался вой; лиса тревожно наострила ушки.

— Очуме-е-е-е-е-е-еть, как же тепло-о-о-о-о-о-о-о!!!

Звучало незнакомо, и это точно был не вой волка. Быть может, его издавали те странные существа. Тон, по крайней мере, был странным, прямо под стать странным существам. Больше лиса не слышала этого воя. Виляя пушистым хвостом, она вернулась к обглаживанию костей.

□

— Очуме-е-е-е-е-е-еть, как же тепло-о-о-о-о-о-о!!!

— Крена-чан, Легион же может услышать, если орать будешь.

Но она так обрадовалась перспективе принять ванну спустя столько времени, что не до конца восприняла предупреждение Анжу. Она пребывала в таком восторге, когда нырнула в контейнер с горячей водой, что казалось, будь у нее хвост, тот бы вилял без остановки. Большой контейнер мог вместить несколько 57-мм гильз, и они поместили его в здание без потолка, где открывался вид на краснеющее небо.

Заметно довольная Крена по плечи погрузилась в воду, подогретую солнечной энергией.

— Как же хорошо... Со временем наверняка холоднее станет. Хотела бы я, чтобы Шин и остальные вместе с нами тут сидели...

Как можно было ожидать, трех парней с ними не было. Они пропустили девушек вперед и остались ждать снаружи, наполняя контейнер Файда небольшим количеством консервированной еды.

Увидев, как Анжу вздохнула и одним глазом взглянула на нее с упреком, Крена вздрогнула.

— Ч-что я только что сказала?!

— Что-то очень смелое и необдуманное. Хотя все равно не станешь действовать согласно своим же мыслям. И вот в этом кроется проблема, если спросишь мое мнение.

Сообразив, что такого она сказала, Крена покраснела до кончиков ушей.

— Н-нет! Я не то имела в виду...

— И еще: странно даже упоминать об этом, но ты хотя бы осознаешь, что только девочки будут о таком просить? Я о том, чтобы старший брат принял с тобой ванну и все такое. Уверена, тот старший брат начнет терять с тобой терпение.

— Но я не то имела... Погоди, правда?!

Погрузившись в горячую воду по плечи, Крена все равно побледнела, отчего Анжу снова вздохнула.

□

— И к тому еще нужно добавить плохую привычку говорить о всяком, когда мы рядом и все слышим...

Погрузившись в немного остывшую за время воду и положив руки на край контейнера, Сео смотрел на фиолетовое небо с подкравшейся ночной тьмой и видимыми звездами.

Сам Шин сделал вид, что не услышал ее, Райден молча отвернулся — он попросту не находил слов. Шин, наверное, мог высказаться, но слова бы подбирать не стал. Сео не ожидал ответа и по поводу этого больше не говорил.

Когда они услышали комментарий Крены, то одновременно поперхнулись чаем из сосновой хвои. Они ни за что не могли согласиться с идеей принять ванну вместе.

— Шин... По-твоему, почему Крена все еще такой ребенок внутри?..

— Не спрашивай меня...

Справедливо...

□

Они вернулись в лагерь у ДОТа и немедленно позарились на найденные консервированные супы и жесткие сухари. Парни укутались в теплые, постиранные одеяла, пропахшие солнцем, и вскоре уснули.

Шестивие без поддержки через вражескую территорию ежедневно истощало припасы. Нехватка медленно, но крепко затягивала на шее петлю из хорошего шелка. Они ночевали при холодных осенних температурах, ели синтетические рационы, которые едой-то не назовешь и на которых «восемьдесят шесть» уж точно не выжить.

Приключение лишь истощило их, а возможностей отдохнуть было не так много. Усталость определенно накапливалась, просто они об этом не знали. Но где-то на глубинном уровне осознавали: если все так и продолжится, долго они не продержатся.

Холодный дождь прошел днем ранее, и Легиона поблизости не было. ДОТ, в котором они находились, не давал горному ветру или животным помешать им.

И вот, наевшись и впервые за долгое время заимев место для безопасного отдыха, парни провалились в глубокий сон. Тихое уханье сов не потревожит их покой. Лишь у небольшого окошка ДОТа в лунном свете купался Файд, слушавший мирное посапывание ребят.

†

«М-м-м».

Услышав дернувший сознание голос, утром Шин проснулся из неглубокого сна.

Один из голосов стал ближе по сравнению с предыдущим днем. Только один, значит, это скорее всего не патруль. На патруль Легион выдвигался взводом или ротой. И двигалась эта машина в странном направлении, которое говорило, что она ищет не их...

Нет, этот голос...

«Это... зов?»

Но зов не Шина. И никого конкретного.

«Кто-нибудь. Кто угодно. Пожалуйста... Кто-нибудь... прикончите меня...»

Сощурившись, Шин снял с себя тонкое одеяло.

Другой Легион, похоже, остановился на сегодня. И поэтому Шин бесшумно поднялся на ноги.

□

Когда они проснулись, Шин куда-то запропастился.

— И что этот придурок удумал?..

Файд был с ними, Могильщик также никуда не делся. Значит, он не сбежал. Они попытались соединиться с ним через парарейд, но он сразу обрывал синхронизацию, так что не похоже, что у него неприятности. Но он взял с собой штурмовую винтовку, которую держал в кабине Могильщика, и привычный пистолет.

«Серьезно, какого черта он творить удумал?»

Они подождали немного, но он не возвращался. Крена начала ерзать от беспокойства, и Райден решил, что пора выдвигаться на его поиски.

□

Они спустились с возвышенности и, к счастью, обнаружили илистую дорогу со свежими отпечатками следов, ведущими к городским руинам. Грязные следы вскоре подсохли и стали плохо читаться, теперь они видели только общее направление. Они прошли вдоль внешней границы города и наконец наткнулись на...

— Зоопарк?..

Слово было выведено на большой вывеске пестрыми позолоченными буквами. Вывеска крепилась на верхушке ворот, выполненных в виде вьющихся роз и окруженных белыми каменными стенами и серебряным забором. Зоопарк был небольшим. Быть может, глава города соорудил его как часть хобби, а потом открыл общественности. И да, клетки и мощные дорожки, казалось, были преисполнены элегантности.

Провинциальный город располагался недалеко от границы и военной крепости, так что у дворян Империи, должно быть, имелось в запасе много времени и денег для возведения зоопарка.

Но только он и остался от прошлого.

Город, вероятно, эвакуировали и бросили в бегстве от Легиона. Судя по нетронутым припасам, легко представить, как эвакуация проводилась в спешке. Естественно, люди так сильно стремились выбраться живыми, что свободного времени не хватило на освобождение животных из клеток.

За одной такой клеткой с решетками, покрытыми вьющимися виноградными лозами, лежал обесцвеченный скелет какого-то большого животного. На пыльной табличке рядом говорилось, что это тигр, но от внушительного тела и красивого полосатого меха уже ничего не осталось.

Лев. Полярный медведь. Аллигатор. Павлин. Черный орел... От них остались лишь кости. Одна гиена сидела прямо у клетки: ее челюсти вцепились в решетку в попытке прогрызть путь наружу. Возможно, она умерла от жажды, прежде чем Легион успел добраться до нее и убить.

Клетки предназначались для редких зверей и защищали от хищников вроде волков или лис, которые могли обглодать трупы. Из-за этого животные поменьше просто-напросто разложились. Мысли о зверях, которых забрали из далеких мест обитания и заперли в клетках только затем, чтобы они сгнили на бетоне и даже не стали пищей... пробудили в четверых ужасающее чувство пустоты.

Их тоже забрали с родины и заперли. Для них клеткой было поле боя, где вынуждали погибнуть бессмысленной смертью в битве.

Они не оставят после себя ничего. Их жизням не позволено иметь даже малейшую ценность.

«Эти животные прямо как мы, “восемьдесят шесть”...»

□

Быть может, получив кличку собаки, Файд чувствовал странное родство, и потому остановился как вкопанный рядом с костями предположительно псины восточного происхождения. Наверное, он испытывал те же чувства, что и «восемьдесят шесть», хотя и привык к скелетам за свою работу по сбору трупов погибших.

Эти кости принадлежали брошенным умирать животным, которым некуда было идти и у которых не было цели в жизни.

— Вот какой нас?.. — мягко прошептала Крена.

Она поджала сухие губы и умолкла, словно боялась закончить фразу. Но все будто поняли, что она собиралась сказать.

«Вот какой нас ждет конец? Или...»

Никому неизвестные, неспособные повлиять на чьи-либо жизни, они просто исчезнут и будут забыты?..

Четыре человека и одна машина бродили по заброшенному зоопарку с оформленными клетками, в которых были заключены безжизненные останки животных. Они молча шли через демонстрацию безграничной смерти.

И в самом дальнем углу зоопарка они обнаружили серебряную клетку побольше, украшенную богаче остальных. Внутри находился большой череп слона, уставившийся на них пустыми глазницами. Здесь стоял спиной к ним Шин. А перед ним лежал с подкошенными восемью ногами поломанный...

□

Лев.

□

Райден почувствовал, как с лица отхлынула кровь. В памяти всплыло жуткое воспоминание о том, как одному их товарищу, Кайе, Лев мощной атакой отсек голову.

— Шин?!

Он бросился к Шину еще даже прежде, чем успел подумать. Ремень винтовки соскользнул с плеча, и он привычным движением взял ее в руки.

— Совсем идиот! Ты что творишь?! — прорычал он.

— Все нормально, Райден, — тихо произнес Шин. — Машина не опасна... Двигаться больше не может.

Его кроваво-красные глаза были прикованы ко Льву, скорчившемуся и изломанному, который, очевидно, не мог двигаться. Подойдя ближе, Райдену стало ясно, насколько сильно повреждена машина. Башня накренилась набок, а грозный 120-мм ствол раздробило прямо поперек. Пулеметов не наблюдалось: по-видимому, их полностью разнесло.

И, наконец, жизненная сила — серебристые жидкие микромашины, или же центральный процессор, — не имея возможности вернуть форму, вытекала из большой дыры... скорее всего, проделанной 120-мм снарядом.

Уничтожив изрядное число машин, Райден определил, что Лев получил смертельные повреждения. О том же могли сказать товарищи, наблюдавшие за разговором двух парней на небольшом отдалении, и Шин, который участвовал в сражениях против Легиона и выживал дольше остальных. Безоружный — штурмовая винтовка висела на плече, — он стоял перед огромным монстром, который в обычных условиях мог разрубить человека пополам взмахом металлических ног.

Он смотрел на жалкие остатки боевого дрона где-то грустным взглядом.

— Я слышал, как он со вчерашнего дня подбирался ближе. Это не мог быть разведчик в патруле, к тому же направление было выбрано не в нашу сторону. Я подумал, что можно забыть о нем... Но этим утром мне показалось, что прозвучал зов.

— Зов?..

— Машина хотела, чтобы кто-нибудь, кто угодно, пришел к ней.

А причина ясна любому, кто заметит плачевное состояние Льва.

«Я не хочу умирать в одиночку».

— Это не было сказано прямо перед смертью, но таков смысл, как мне кажется. Я продолжаю слышать последние слова.

— И какие они?

— Я хочу обратно.

Слова произносились тихим, нежным голосом, но некая их часть словно нашла отражение в желании Шина, а Райдену, как только он услышал их, почудилось, будто его сердце затрепетало. Они словно выражали то же желание, приютившееся глубоко внутри него.

Я хочу обратно.

Да, возможно так оно и есть. Быть может, все это время какая-то его часть действительно этого желала.

Я хочу обратно. Обратно.

Но обратно — это куда? У них не было такого места, чтобы вернуться. Они не помнили его. Им некуда возвращаться.

— Хочет еще раз вернуться домой... Это «восемьдесят шесть». В отличие от нас он еще помнит о своем доме и семье.

Этот «восемьдесят шесть», наверное, был старше их, или, быть может, не прожил достаточно долго в качестве процессора, чтобы воспоминания сгорели от пламени войны. Так или иначе, Лев хотел вернуться туда так сильно, что даже после поломки тащил разбившееся и разваливающееся тело.

Но добраться так и не смог. Некуда было — и в итоге... он ничем не отличался от Райдена и остальных. «Восемьдесят шесть» выгнали на поле боя, где он был вынужден жить и где ему суждено было погибнуть. «Восемьдесят шесть», чьим местом было только поле боя. И поэтому...

«Ты выскользнул из лагеря и проделал весь этот путь сюда за механическим призраком того, кого даже не знаешь?»

Райден раздраженно почесал голову. Если он прав, то сказать ему нечего. Ни безголовому Богу Смерти, что взял на себя обязанность брать погибших товарищей, встретившихся на пути, запоминать и нести до конечного пункта назначения...

— Это не компенсирует того факта, что ты взял и ушел, не сказав ни слова. Придурок... — поворчал Райден.

— Моя вина, — сказал Шин.

Хотя он не сказал, что ему жаль. Райден нехотя заметил, что это так типично для Шина. Даже во время разговора Шин пристально смотрел на Льва. Райден с сомнением сощурился. Быть того не могло, но...

— Ты же не думаешь и его взять с собой?

— Нет, даже в мыслях не было. Я не знаю его имени, вообще ничего о нем не знаю.

Шин слышал голоса Легиона, но не мог общаться с ними. Как Шин и сказал, он слышал только неразборчивый шелест механического интеллекта или постоянные повторения последних мыслей погибшего прямо перед смертью. Он не мог общаться ни с кем из них, даже с пастухами, которые сохраняли часть воспоминаний и умственные способности человека при жизни.

Тем не менее Шину достаточно узнать совсем немного — хватит лишь имени, — чтобы заикнуться на идее взять с собой, даже если речь идет о машине. На самом деле Райден не припоминал, чтобы Шин когда-либо называл Легион металлоломом или проклинал, как это делали остальные.

Он так лелеял брата, что последние пять лет жизни искал Легион, в котором содержалась его голова... Наверняка он и другие машины воспринимал за людей, заслуживающих упокоиться так же, как заслуживал того брат.

— Я подумал, что раз уж он оказался неподалеку, то должен хотя бы проводить.

Сочленения ног Льва скрипели и гремели. Инстинкты машины по истреблению всего живого побуждали убить врага спереди, поэтому тело пыталось шевелиться. Но у Льва не получалось даже подняться: ноги не могли поддерживать вес в пятьдесят тонн. И он не мог даже скрести землю под собой.

Оптический сенсор беспорядочно метался от Шина к Райдену и обратно к Шину, кого он и призвал. Движения становились все медленнее, и мало-помалу ноги перестали трястись. Когда машина наконец успокоилась, Шин подошел ближе и положил руку на застывший оптический сенсор.

— Все нормально.

Лев целиком и полностью конструировался для сражений, а потому функции анализа речи у него не было. Шин это знал, но все равно прикоснулся к нему и заговорил, как если бы обращался к умирающему товарищу.

— Теперь ты можешь вернуться домой.

«Позволь мне вернуться туда. В дом из воспоминаний».

Или, возможно, в последнее пристанище всех умерших... во тьму в глубинах мира.

Бог Смерти достал пистолет. Последнее оружие, которым он избавляет от страданий умирающих товарищей. Последнюю же пулю он сохранит для себя, когда смерть придет за ним.

Он направил пистолет, будто обращал свой взор. Затем нацелился на дыру, проделанную сбоку башни БОПСом, откуда вытекал центральный процессор Легиона.

Выстрел поглотили и заглушили клетки и разрушенные здания. Он никого не достиг. Как никем не услышанная лебединая песнь умирающего, играющая на необитаемой пустоши.

□

В задней части навечно замолчавшей башни Льва зияла дыра от 120-мм БОПСа. 120-мм. Главная пушка Джаггернаута имела 57-мм калибр. А пушка для перехвата, которую они едва видели в использовании — на самом деле только один раз, когда ею воспользовалась их последний Куратор, — была 155-мм калибра.

Что бы ни подбило Льва, Республика тут ни при чем. Либо это 120-мм пушка другого Льва, либо...

— Райден, если бы выжили другие силы помимо Республики...

Райден хмыкнул. Он слышал об этом несколько раз до отправки на специальную разведывательную миссию. За бывшей границей Республики, и даже еще дальше, за территориями Легиона, был участок, где Шин ничего не слышал.

Конечно, он не мог сказать, остались ли там живые. Быть может, тому было другое объяснение — например, место подверглось радиоактивному загрязнению такой силы, что это препятствовало работе Легиона. Или, возможно, способность Шина не позволяла слышать настолько далеко.

И все же, если... если выжившие есть не только в Республике, может быть, они могли бы прийти до них и выжить.

Эту теорию Райден не находил привлекательной ни под одним углом.

— И что, мы пойдем туда и мирно заживем? Представить даже не могу.

Сейчас он уже едва мог вспомнить свою жизнь до отправки на поле боя в качестве процессора. До того, как его укрыли в той небольшой школе. Он не мог вспомнить ни как выглядел дом, ни собственные мечты, ни как проводил дни. То же было и с остальными. И с Шином.

Зажить мирной жизнью теперь? После всего? Кроме того, он сомневался, что у них это получится, даже если то место существует. Только он эту мысль держал при себе, не облакая в слова. Если сказать вслух, можно навлечь несчастье. Так всегда говорила старуха...

— А вот будь это сказка, мы бы нашли утопию в конце путешествия, — сказал Шин, равнодушный и незаинтересованный.

— Ты о том, что та вчерашняя догадка верна и мы реально прошли через врата в рай? Попасть на небеса посмертно, знаешь ли, совсем не весело.

— Что, разве ты не хотел бы посмотреть, как оно там устроено?

— Нет, конечно. Кому это надо, после всего виденного нами дерьма?

Если бы он хоть в малейшей степени лелеял надежду, что в загробной жизни есть рай, уже давным-давно вышиб бы себе мозги. Один из бывших товарищей так и поступил, кстати. Начал бахвалиться и наорал на Райдена и Шина, что не обезумит как они, а потом выстрелил себе в голову.

Шин выгравировал его имя на алюминиевом надгробии и взял с собой. Тогда, если потерянный товарищ не найдет свой рай, он не останется позади.

Райден смотрел на опущенный взгляд кроваво-красных глаз. Те будто погружались куда-то глубоко в темноту. И Шин задвигал губами, шепча слова, чтобы только он мог их услышать:

— Но если бы я смог до туда добраться...

Шум ветра заглушил конец монолога. Шин затем повернулся к останкам Льва.

— Пойдем. Мы немного задержались.

□

С их отправки на специальную разведывательную миссию Шин стал чаще улыбаться. Словно давящее бремя спало, словно он получил свободу. Словно избавился от томительных сожалений и от всего, что связывало его с этим миром.

И для Райдена он казался... слишком нестабильным.

□

Пять Джаггернаутов и верный падальщик пересекли мост. Подтвердив безопасную переправу, один Динозавр поднялся. Он находился в семи километрах от берега, где скрывался отряд Остриё копья. Четыре дня, в которые пятерка провела там, Динозавр не двигался с места, будучи за эффективной дальностью стрельбы танковой башни. Он следовал за ними из-за горизонта и держался на расстоянии.

Шорей Ноузен.

Тот, за кем гнался Шин пять лет. Остатки призрака, найденного и наконец-то побежденного. Благодаря отказоустойчивой системе Легиона ему удалось обмануть смерть, хотя она и была близка. Но на дезинтеграцию уйдет не так много времени.

А до назначенного ему часа он будет присматривать и оберегать путешествие младшего брата. С одним-единственным желанием призрак задержался в этом мире.

Будучи Легионом, Рей знал, что ожидает Шина в конце путешествия. Другая страна, которая не Империя, — страна, которая защитит его.

□

«Я, вероятно, исчезну прежде, чем все закончится.

Но если смогу хотя бы довести его — довести их — до безопасного места, то большего мне и не надо».

□

По обе стороны горизонта, на двух берегах реки, разделяющей мир живых и мир мертвых, стояли два брата — погибший старший и живой младший. И никто из них не знал о решимости друг друга сделать одно и то же.